

Х. Арендт

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ КАНТА:
КУРС ЛЕКЦИЙ

Мы говорили о политических следствиях критического мышления и о представлении, что критическое мышление предполагает сообщаемость (*communicability*). В свою очередь сообщаемость явно предполагает сообщество людей, к которым можно обратиться, которые слушают и которые могут быть услышаны. На вопрос, почему речь здесь идет скорее о людях, а не о человеке, Кант мог бы ответить: чтобы они могли разговаривать друг с другом. Для человека во множественном числе и, следовательно, для человечества — для рода, так сказать, к которому мы принадлежим, — «сообщать друг другу... — это естественная человеческая склонность»² — это замечание я уже приводила прежде. Кант отдавал себе отчет, что он противопоставляет себя большинству философов, утверждая, что мышление, хотя и является уединенным занятием, зависит от других, чтобы быть вообще возможным: «Хотя и утверждается, что властями может быть отнята свобода говорить или писать, но не свобода мыслить, но только сколько и насколько правильно мы мыслили бы, если бы не думали как бы сообща с теми, с кем обмениваемся своими мыслями! Итак, можно сказать, что та самая внешняя власть, которая лишает людей свободы сообщать свои мысли публично, отнимает у них вместе с тем и свободу мыслить — единственное сокровище, которое у нас остается перед лицом всех гражданских тягот и с помощью чего единственно можно еще найти выход из этого бедственного состояния»³.

Мы можем посмотреть на этот фактор публичности, необходимый для критического мышления, с совершенно другой точки зрения. Что Сократ действительно делал, опустив философию с неба на землю и начав исследовать мнения о происходящем между людьми, так это извлекал из каждого утверждения его скрытый смысл. Именно это и составляло в действительности его «повивальное искусство». Подобно тому, как повивальная бабка помогает ребенку появиться на свет, чтобы он мог быть увиденным, Сократ извлекал на свет скрытые смыслы, чтобы они могли быть рассмотренными. (То же самое делал Кант, критикуя прогресс: он обнажал скрытые смыслы этого понятия. Это же сделали здесь и мы, возражая против органической метафоры.) Критическое мышление состоит в очень значительной степени из этого вида «анализа». Подобное исследование в свою очередь предполагает готовность и способность каждого отдавать отчет в своих мыслях и словах. Платон, прошедший

школу сократовского повивального искусства, был первым, кто излагал философию в том виде, в каком мы сегодня признаем ее в качестве таковой — и что позднее, благодаря Аристотелю, стало трактатом. Он усматривал различие между собой и «мудрыми мужами» древности, досократиками, в том, что последние, несмотря на свою мудрость, никогда не объясняли свои идеи. Они были там, со своими великими прозрениями; но если им задавали вопрос, они хранили молчание. *Logon didonai*, «давать объяснение» — не доказывать, но быть в состоянии выразить словами, как и на основании чего ты пришел к тому или иному мнению: это то, что действительно отделяет Платона от всех его предшественников. Само это выражение является политическим по происхождению: давать объяснение — это то, что афинские граждане требовали от своих политиков, не только в финансовых делах, но и в вопросах политических. Они (политики) могли быть призваны к ответу. И это принятие на себя и всякого другого человека ответственности и способность отвечать за мысли и учение превратило поиск истины и знаний, возникший в Ионии, в философию. Это превращение произошло уже у софистов, которых справедливо называют представителями просвещения в Греции; позже оно приобрело более

¹ Продолжение, начало см.: Кантовский сборник. 2009. 1(29). С. 122—128; 2(30). С. 126—132; 2010. 1(31). С. 112—117; 2(32). С. 109—113, 3(33). С. 113—119 и 4(34). С. 80—86.

Перевод с английского выполнен по изданию: *Arendt H. Lectures on Kant's Political philosophy* / edited and with an interpretative essay by R. Beiner. Chicago, 1982 — и сверен по немецкому изданию: *Arendt H. Das Urteilen. Texte zu Kants politische Philosophie* / herausgegeben und mit einem Essay von R. Beiner. Aus dem Amerikanischem von U. Ludz. München, 1985.

Все примечания к данному тексту принадлежат переводчику.

² Кант И. О поговорке «Может это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 195.

³ Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении // Там же. С. 102—103.

четкие очертания в вопросно-ответном методе сократовской майевтики. Здесь берет свое начало критическое мышление, важнейшим представителем которого в наше время, возможно даже во всю постклассическую эпоху, был Кант, в полной мере осознававший его смысл. В одном из важнейших размышлений он пишет: «Quaestio facti⁴ — то, каким образом первоначально овладевают понятием; quaestio juris⁵ — по какому праву им владеют и пользуются»⁶.

Критическое мышление используется не только в отношении учений и представлений, получаемых от других, не только в отношении наследуемых предрассудков и традиций; именно в применении критических критериев к своему собственному мышлению человек учится искусству критического мышления.

И этому применению нельзя научиться без публичности, без проверки, происходящей благодаря встрече с мышлением других людей. Чтобы показать, как это работает, я прочитаю вам два места личного характера из писем Канта, написанных им в 1770-х годах Маркусу Герцу: «Вам ведь хорошо известно, что, знакомясь с разумными возражениями, я совсем не стремлюсь прежде всего опровергнуть их; напротив, я присоединяю их к своим суждениям и допускаю возможность того, что эти новые доводы заставят меня отказаться от всех прежних излюбленных мною идей. Я всегда надеюсь на то, что, беспристрастно рассматривая свои суждения с позиций других мыслителей, я найду некое третье, лучшее, чем мое первоначальное, решение вопроса»⁷.

Как видите, *беспристрастность* достигается принятием во внимание точек зрения других; *беспристрастность* — это не результат некой более высокой точки зрения, которая в действительности улаживала бы спор благодаря своему положению над *mêlée*⁸. Во втором письме Кант делает это еще более отчетливо: [Чтобы сохранить свою подвижность, ум нуждается в разумной мере расслабления и развлечения], «что позволяет рассматривать предмет со все новых сторон и расширять свой кругозор от наблюдения через микроскоп до общей перспективы, чтобы таким образом можно было воспринимать все возможные точки зрения, причем каждая поочередно проверяла бы очевидное суждение другой»⁹.

Здесь слово «беспристрастность» не упоминается. На его месте мы обнаруживаем идею, согласно которой можно «расширить» свое собственное мышление так, чтобы учитывались мысли других людей. «Расширение ума» играет ключевую роль в «Критике способности суждения». Оно достигается благодаря тому, «что свое суждение сопоставляют с суждениями других, не столько действительными, сколько возможными, и ставят себя на место другого»¹⁰. Способность, делающая это возможным, называется способностью воображения. Если вы читаете соответствующие параграфы «Критики способности суждения» и сравните их с уже процитированными письмами, то увидите, что первые содержат не более чем концептуализацию этих очень личных замечаний. Критическое мышление лишь только там и возможно, где точки зрения всех других открыты для рассмотрения. Поэтому оно, хотя и оставаясь уединенным занятием, не изолирует себя от «всех других». Разумеется, критическое мышление по-прежнему происходит в одиночестве, но при помощи способности воображения оно представляет других и таким образом перемещается в пространстве, являющемся потенциально публичным, открытым со всех сторон. Другими словами, критическое мышление занимает позицию кантовского гражданина мира. Думать посредством «широкого образа мысли» означает упражнять свою способность воображения в перемещении (Ср. с правом на посещение в трактате «К вечному миру»).

Здесь я должна предостеречь вас от одного очень распространенного и легко возникающего заблуждения. Хитрость критического мышления заключается не в крайне широкой эмпатии, благодаря которой можно знать, что на самом деле происходит в головах других людей. Мыслить, в кантовском понимании просвещения, подразумевает *Selbstdenken*¹¹, мыслить самому, «это максима разума, который никогда не бывает пассивным»¹². «Склонность к пассивности разума, тем самым к его гетеронии, называется предрассудком»¹³, и просвещение означает прежде всего освобождение от предрассудка. Принять происходящее в головах других людей, чья «точка зрения» (на самом деле место, в котором они находятся; условия, которым они подчинены и которые всегда различны, от одного индивидуума к другому, от одного класса или группы в сравнении с другой) отличается от моей, означало бы не что иное, как пассивное принятие их мыслей, т.е. замену предрассудков, соответствующих моему собственному местоположению, чужими предрассудками. «Широкий образ мысли» — это результат первой абстракции «от ограничений, случайно присущих нашему собственному суждению»,

⁴ Вопрос факта (лат.). — *Примеч. пер.*

⁵ Вопрос права (лат.). — *Примеч. пер.*

⁶ Кант И. Reflexionen zur Metaphysik. Zweiter Teil, Nr. 5636 // AA XVIII, S. 267.

⁷ Кант И. Кант — Герцу [7 июня 1771 г.]. Избранные письма // Кант И. Указ. соч. Т. 8. С. 484.

⁸ Схватка, спор (фр.). — *Примеч. пер.*

⁹ Кант И. Кант — Герцу [21 февраля 1772 г.]. Избранные письма // Кант И. Указ. соч. Т. 8. С. 490.

¹⁰ Кант И. Критика способности суждения [B157] // Там же. Т. 5. С. 134.

¹¹ Самостоятельное мышление (нем.). — *Примеч. пер.*

¹² Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Указ. соч. Т. 5. С. 135.

¹³ Там же.

[результат] выхода за пределы «субъективных частных условий... тогда как многие как бы скованы ими»¹⁴, т.е. [результат] пренебрежения тем, что мы называем эгоизмом, который, согласно Канту, является не просвещенным или способным к просвещению, но, на самом деле, ограничивающим. Чем больше радиус действия, чем больше область, в которой просвещенный индивидуум может перемещаться с одной точки зрения к другой, тем «всеобщее» будет его мышление. Эта всеобщность тем не менее не является всеобщностью понятия, например понятия «дом», которому затем можно подчинить различные виды отдельных зданий. Она, напротив, тесно связана с особенным, с особыми условиями точек зрения, через которые нужно пройти, чтобы достичь собственной «всеобщей точки зрения». Об этой всеобщей точке зрения мы уже говорили как о «беспристрастности»; это наблюдательный пункт, с которого можно рассматривать, наблюдать, образовывать суждения или, как говорит сам Кант, размышлять о человеческих делах. Этим не сказано одно — как следует действовать. Этим также не сказано, как использовать мудрость, приобретенную благодаря обладанию «всеобщей точкой зрения», к частностям политической жизни. (Кант не имел абсолютно никакого опыта подобной деятельности, а в Пруссии Фридриха II и не мог его иметь.) Кант указывает, как принять во внимание других; он не дает указаний, каким образом установить с ними связь для совершения поступков.

Это приводит нас к следующему вопросу: является ли всеобщая точка зрения исключительно точкой зрения зрителя? (Насколько серьезен был Кант по отношению к широте собственного образа мысли, свидетельствует тот факт, что он ввел в университете курс по физической географии и сам его читал. Он был также страстным читателем всевозможных путевых сообщений и, хотя никогда не покидал Кёнигсберг, хорошо ориентировался в Лондоне и Италии; по словам Канта, у него именно потому не было времени на путешествия, что он хотел так много знать о столь многих странах). Для самого Канта всеобщая точка зрения несомненно была точкой зрения гражданина мира. Но имеет ли «гражданин мира», это удобное словосочетание идеалистов, какой-либо смысл? Быть гражданином подразумевает помимо прочего иметь обязательства, обязанности и права, приобретающие смысл лишь в том случае, если они территориально ограничены. Гражданин мира Канта был в действительности *Weltbetrachter*, мирозерцателем. Кант хорошо знал, что мировое правительство было бы худшей тиранией, которую только возможно представить.

У самого Канта это затруднение выходит на первый план в последние годы жизни в кажущемся противоречии между его почти безграничным восхищением Великой французской революцией и столь же безграничным неприятием любого революционного действия на стороне французских граждан. Места, которые я вам процитирую, были все написаны примерно в одно время. Но прежде чем мы начнем, позвольте мне вам напомнить, что Маркс, как уже Гейне до него, называл Канта философом Великой французской революции. И что, возможно, еще важнее: эта оценка имела прочное основание в самопонимании самой революции. Сийес (Sieyès)¹⁵, знаменитый автор «*Tiers-Etat*»¹⁶ и один из основателей Якобинского клуба, ставший впоследствии одним из важнейших членов Учредительного собрания (представительного органа, созванного для составления французской конституции), кажется, знал Канта и в некоторой мере находился под влиянием его философии. Во всяком случае, его друг Теремин обращался к Канту, чтобы сообщить о намерении Сийеса ввести философию Канта во Францию, потому что «*l'étude de cette philosophie par les Français serait un complément de la Revolution*» (изучение этой философии французами являлось бы дополнением к революции)¹⁷. Ответ Канта не сохранился.

Реакция Канта на Великую французскую революцию на первый, впрочем как и на второй, взгляд не допускает двусмысленного толкования. Забегая вперед: он никогда не колебался в своей оценке величия того, что называл «недавним событием», вряд ли он колебался и в своем осуждении всех тех, кто его подготовил. Я начну с наиболее известного высказывания Канта по этому поводу; кроме того, содержание этого высказывания является, в известной степени, ключом к кажущемуся противоречию в его позиции.

«Это событие состоит не в важных совершенных людьми деяниях или злодеяниях, посредством которых великое становится для людей ничтожным, а ничтожное — великим, не в том, что, как по мановению волшебства, великолепные древние государства исчезают и на их месте возникают словно из-под земли другие. Нет, дело совсем не в этом. В этой игре великих преобразований открыто проявляет себя лишь образ мышления зрителей и заявляет во всеуслышание о таком всеобщем и вместе с тем бескорыстном их сочувствии играющим на одной стороне против играющих на другой, что такая партийность может оказаться опасной и очень повредить им; это доказывает (своей всеобщностью), что человеческий род в целом обладает характером, и (своим бескорыстием), что этот характер, по крайней

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сийес Эммануэль Жозеф (1748–1836) — французский политический деятель времен Великой французской революции.

¹⁶ Полное название памфлета Сийеса, опубликованного им в январе 1789 года, — «*Qu'est ce que le tiers-état?*» («Что такое третье сословие?»).

¹⁷ *Beilage zum Brief von Anton Ludwig Theremin an Kant*. 1796. 6. Februar // AA XII, S. 59.

мере в задатках, морален; и он не только позволяет надеяться на продвижение к лучшему, но уже сам по себе есть таковое, насколько это возможно для него в данный момент.

Революция духовно богатого народа, происходящая в эти дни на наших глазах, победит ли она или потерпит поражение, будет ли она полна горем и зверствами до такой степени, что благоразумный человек, даже если бы он мог надеяться на ее счастливый исход во второй раз, все же никогда бы не решился на повторение подобного эксперимента такой ценой, — эта революция, говорю я, находит в сердцах всех зрителей (не вовлеченных в эту игру) равный их сокровенному желанию отклик, граничащий с энтузиазмом, уже одно выражение которого связано с опасностью и который не может иметь никакой другой причины, кроме морального начала в человечестве. <...>

...Деньгами нельзя было вызвать у противников революции рвение и душевное величие, которые пробуждало у ее сторонников правовое понятие, и даже понятие чести, присущее древней воинственной знати (аналог энтузиазма), отступало перед оружием тех, кто боролся за право народа, к которому они сами принадлежали и защитниками которого себя считали; эта экзальтация вызывала живейшую симпатию сторонней наблюдающей за событиями публики, не имевшей ни малейшего желания в них участвовать. <...>

И вот я утверждаю, что по симптомам и предзнаменованиям наших дней могу и без особого дара предвидения предсказать человечеству достижение этой цели, а вместе с тем и его с того самого момента не обратимое более вспять шествие к лучшему. Ибо подобное событие в истории человечества не будет забыто...

Но даже если цель, предполагаемая данным событием, и теперь не будет достигнута, если революция и реформа конституции народа все же в конце концов потерпят неудачу или же, по истечении некоторого времени, все опять вернется в свою прежнюю колею (как предсказывают уже теперь политики), указанное философское предсказание не утратит своей силы. — Ибо данное событие слишком огромно, слишком переплетено с интересами человечества и по своему влиянию слишком распространилось на весь мир, чтобы народы не вспомнили о нем при благоприятной возможности и попытки подобного рода не были бы возобновлены...

Итак, это не просто благожелательное и в практическом отношении рекомендуемое, но вопреки всем скептикам имеющее силу и для самой строгой теории положение: род человеческий всегда шел по пути прогресса к лучшему и будет идти этим путем и впредь; это положение, если иметь в виду не только происходящее в том или ином народе, но и его распространение на все народы Земли, которые постепенно будут принимать в этом участие, открывает перспективу необозримого будущего...»¹⁸

Перевод с английского А.Н. Саликова

О переводчике

Саликов Алексей Николаевич — канд. филос. наук, зам. директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, salikov123@mail.ru

About translator

Dr. Alexei Salikov, deputy director of Kant Institute, I. Kant Baltic Federal University, salikov123@mail.ru

¹⁸ Кант И. Спор факультетов // Кант И. Указ. соч. Т. 7. С. 102–106.